

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Стародубровская И.В.

**Анализ механизмов религиозной радикализации
молодёжи и сопоставление вариантов
противодействия её проявлениям
(на примере Северного Кавказа)**

Москва 2020

Анотация. В данной работе рассматриваются подходы и теории, получившие распространение в анализе процесса радикализации и религиозно мотивированного насилия. Развитие интеллектуальной мысли в данной сфере прошло через два основных этапа. На первом этапе исследования концентрировались на проблемах терроризма без специального анализа его религиозной мотивации. На втором этапе в центре внимания оказались вопросы именно исламской радикализации и религиозно мотивированного насилия. Анализ этих проблем приобрел более конкретный характер, радикализация стала рассматриваться как процесс.

Стародубровская И.В. ведущий научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистик ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Исследования исламской радикализации: обзор литературы.....	7
1.1 Первое поколение исследований – глубинные причины (корни) терроризма	7
1.2 Второе поколение исследований - радикализация.....	17
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	36
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	38

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс радикализации является относительно недавним в научной литературе, он получил распространение в результате теракта в США 11 сентября 2001 года, после которого американскими властями была объявлена «война с террором». Однако, начиная с 1960-х годов, схожие проблемы анализировались в рамках исследований терроризма.

Современные исследователи выражают серьезное неудовлетворение качеством исследований данной проблематики, отмечая, что последние в значительной степени не соответствуют установившимся стандартам проведения научной работы (обширные генерализации делаются на основе эпизодических сведений и данных низкого качества), часто поверхностны и идеологизированы [1]. В какой-то степени это определяется сложностью самого объекта анализа. «Террористами могут быть обездоленные и необразованные люди или преуспевающие и хорошо образованные. При том, что молодые мужчины обычно наиболее представлены в большинстве террористических организаций, можно найти террористов среди людей обоих полов и любого возраста. Терроризм существует как в богатых, так и в бедных странах; в современном индустриализированном мире и на менее развитых территориях; в процессе преобразований и развития, до или после этого процесса; в бывших колониях и в независимых государствах; как в устоявшихся демократиях, так и при менее демократических режимах» [2:8]. Однако тут важны и другие факторы: сложность доступа к объекту анализа, чувствительность данной проблемы для общества и т.п.

Одной из серьезнейших проблем, связанных с данным направлением научной деятельности, является неопределенность самого термина «терроризм». По оценке исследователей, существует более 200 определений данного понятия. Одним из направлений исследования являются сопоставления частоты появления различных признаков в разных определениях терроризма. В соответствии с ними, наиболее часто встречаются такие характеристики, как насилие, политическое, угроза. Частота использования таких выражений, как акцент на терроре и страхе, психологические эффекты и ожидаемые реакции, по-разному оценивается в различных источниках [3].

Если же исходить не из формального, а из содержательного анализа, наиболее популярные определения в данной сфере включают в себя следующие распространенные характеристики:

- Терроризм является скорее набором методов и стратегий борьбы, чем определенной идеологией или движением,
- Терроризм связан с использованием насилия,
- Это насилие направлено против мирного населения, или, во всяком случае, лиц, непосредственно не участвующих в конфликте (некомбатантов),
- Целью террористов является психологический эффект устрашения тех, кто не является непосредственными жертвами насилия.

Иногда уточняется, что речь идет о внеправовом насилии, и в определение включаются не только действительно реализованные террористические акты, но и угроза насилия [4].

Однако понятие терроризма часто носит расширительный характер. Так, в российском законодательстве в него включены также идеологические аспекты. Терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления и международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [5]. Не удастся провести четкой границы между терроризмом и другими родственными явлениями – гражданской войной, преступлениями на почве ненависти. Нет определенности в вопросе о том, как разделить терроризм и борьбу за свободу – проблема, имеющая явный идеологический компонент. Исследователи не достигли согласия в том, можно ли полностью отождествлять причины терроризма с причинами политического насилия в целом, или здесь необходимо учитывать специфику феномена терроризма.

Понимание категории «терроризм» обычно выражается в той классификации входящих в эту категорию явлений, которую принимает тот или иной исследователь. Наиболее широкое понимание обычно включает следующий перечень:

- Протестный или мятежный – направленный против государства,
- Государственный – направленный против личности, осуществляемый с участием спецслужб или связанных с ними формирований,

- Спонсируемый государством – направленный против другого государства путем поддержки терроризма на его территории,
- Терроризм масс – одной группы населения против другой.

Однако не все специалисты согласны со столь широкой трактовкой понятия «терроризм». В любом случае, основные исследования концентрируются в сфере протестного терроризма, и, в более поздний период, спонсируемого государством терроризма – в связи с усиливающимся акцентом на международный терроризм и роль межгосударственных отношений в его динамике.

Несмотря на упомянутые выше сложности, за длительный период изучения данного феномена был накоплено много полезных наблюдений, сформулированы важные подходы и идеи, рассмотрение которых необходимо для исследования заявленной темы.

Исследователи выделяют два этапа наиболее интенсивного изучения рассматриваемой проблематики:

- 1) Рассмотрение терроризма с точки зрения его глубинных причин или корней: “root causes of terrorism”,
- 2) Анализ процессов радикализации после начала «войны с террором».

1 Исследования исламской радикализации: обзор литературы

1.1 Первое поколение исследований – глубинные причины (корни) терроризма

Первый этап исследований начался с 1960х годов, но взлет теоретической мысли в его рамках датируется в первую очередь 1970ми. Отличительной чертой этого периода являлось как раз отсутствие вопросов исламского терроризма в центре анализа – для того времени они были еще не актуальны. Хотя эти вопросы появляются в более поздних работах, основанных на аналогичных методологических подходах, уже в 2000-х годах. На втором этапе в фокусе исследований оказываются именно проблемы исламской радикализации.

Подход, связанный с глубинными причинами терроризма, заключается в первую очередь в достаточно общем исследовании различных сфер, которые могут повлиять на вероятность появления террористических движений и организацию террористических актов. В научной литературе существующие здесь подходы классифицируются по-разному. Так, Бриньяр Лиа выделяет:

- Психологические объяснения, которые подразделяются на психопатологические и психосоциологические теории,
- Социальные или структурные объяснения, учитывающие влияние модернизации, политические факторы, а также социальные нормы, исторические традиции и технологические факторы, объединяемые под заголовком «экология терроризма»,
- Факторы терроризма, связанные с международными отношениями: влияние глобализации, государственная и негосударственная поддержка террористических организаций, слабые и несостоявшиеся государства, вооруженные конфликты.

В результате подобного подхода автор представил достаточно полный, но чрезвычайно разноуровневый и разнохарактерный перечень причин терроризма, куда, например, как однопорядковые вошли такие факторы, как дестабилизирующее влияние модернизации; наличие групп, отколовшихся в ходе постконфликтного

процесса мирного урегулирования и не принявшие этот процесс; и этническое многообразие.

Джеффри Росс предлагает гораздо более простую классификацию:

- Структурные теории, связывающие терроризм с политической, культурной и экономической структурой общества,
- Психологические теории, нацеленные на объяснение того, почему люди вступают в террористические организации, динамики террористических групп и факторов, влияющих на совершение террористических актов,
- Теории рационального выбора, стремящиеся объяснить участие в террористических организациях и выбор форм террористической деятельности результатами сопоставления выгод и издержек [6:317].

Есть и другие варианты упорядочивания имеющихся концептуальных моделей. На разнообразие подходов в данной сфере указывает, например, Марта Креншоу, утверждая, что далеко не все из них очевидны и могут быть подтверждены фактами: «Мы находим оценки, выдвигающие на первый план такие социальные факторы, как вседозволенность и достаток, которые характерны для процесса взросления западной молодежи или имитацию драматических моделей поведения, поддерживаемую телевидением. В качестве альтернативы, мы сталкиваемся с политическими объяснениями, которые обвиняют революционные идеологии, Марксизм-Ленинизм или национализм; слабость государства, идущего на уступки террористам или, наоборот, притеснения со стороны правительства и слабость оппонентов режима. Часто ссылаются также на индивидуальную психопатологию как на виновника» [7:379-380].

Попытаемся охарактеризовать основные теоретические взгляды, которые оказали наиболее серьезное влияние на изучение причин терроризма.

Одной из первых попыток разобраться в истоках данного явления была так называемая психопатологическая теория, которая стремилась рассматривать террористов как лиц с девиантным поведением, основанным на психических отклонениях. «Простая базовая предпосылка подобной чисто психологической

теории терроризма состоит в том, что ненасильственное поведение является принятой нормой, и что те, кто вовлечен в террористическую деятельность, соответственно, с необходимостью должны быть ненормальными» [2:9]. Одним из безусловных достижений исследований терроризма является то, что подобная позиция была полностью опровергнута. Неприятие такого подхода является одним из немногих моментов, объединяющих практически всех исследователей в данной сфере, соглашающихся, что «выдающейся общей характеристикой террористов является их нормальность» [8]. «На самом деле, политические террористические группы не разрешают эмоционально нестабильным индивидуумам вступать в них, поскольку это создает риски безопасности. Серьезно нестабильные личности обычно действуют в одиночку» [9].

В то же время Джеральд Пост все же пытается связать терроризм с определенным психотипом личности, утверждая, что «много чего пошло не так в жизни людей, которые встают на путь терроризма» [10:28]. Он утверждает, что к подобному психотипу относятся люди, которым была нанесена психологическая травма в детстве, в результате чего они внутренне расколоты и не способны принять часть своего внутреннего «я», ненавидя и обесценивая собственные слабости. Подобным людям психологически нужен «козел отпущения». «Не способному воспринимать собственную неадекватность индивиду с подобными личностными характеристиками требуется объект, которого можно обвинить и атаковать по причине собственных внутренних слабостей и неадекватностей» [10:28].

Достаточно широкую популярность в исследовании истоков терроризма получила концепция относительной депривации, связываемая в первую очередь с именем Теда Роберта Гурра [11]. Этот концептуальный подход стремился объяснить причины насилия в целом, но активно применялся и в террористических исследованиях. Под депривацией в целом понимается невозможность для индивида или социальной группы удовлетворить свои базовые потребности (это понятие обычно характеризуется как абсолютная депривация). В отличие от абсолютной, относительная депривация – это психологическое состояние, связанное с разрывом между ожиданиями и возможностями их удовлетворения. Например, когда в течение длительного периода наблюдался экономический рост, ожидания людей были связаны с его продолжением. А вместо этого разразился экономический кризис, и

сложившиеся ожидания не могут быть удовлетворены. Подобная цепочка событий чревата агрессией и насилием.

Модернизация рассматривается как глубинная причина терроризма в нескольких аспектах. «Быстро модернизирующиеся общества в большей мере сталкиваются с идеологическим терроризмом. Общественные изменения, ассоциирующиеся с модернизацией, создают новые, не существовавшие ранее условия для терроризма, такие как множественность целей, мобильность, коммуникации, анонимность и аудиторию. Деструктивная для общества модернизация может также формировать благоприятные условия для терроризма, особенно если она серьезно опирается на экспорт природных ресурсов, вызывает широкомасштабное социальное неравенство и ущерб для экологии и формирует смешанные рыночно-клиенталистские общества» [2:71].

Широкую популярность на определенном этапе приобрели исследования, стремящиеся установить количественную зависимость между распространением терроризма и теми или иными показателями экономического и социального развития: индексом человеческого развития, образованием, неравенством, безработицей и т.п. Каких-либо удовлетворительных и однозначных результатов в рамках этих исследований получить не удалось¹. Гораздо более распространенной является идея о том, что есть взаимосвязь между терроризмом и степенью демократичности политического режима. Однако исследователи на удивление не совпадают в характеристике того, какова же эта связь. Некоторые утверждают, что демократические режимы менее подвержены опасности терроризма, другие же постулируют обратное. Многие специалисты сходятся на том, что в более демократических и свободных странах с более качественным управлением вероятность внутренних террористических актов ниже, хотя они более уязвимы для международного терроризма. Алекс Шмит следующим образом характеризует эту связь:

- «Когда управление низкого качества, сопротивление коррупционной власти находит сторонников и поддержку,

¹ Общий обзор подобных исследований см. в [12:130-144].

- Когда невозможно проголосовать против непопулярной власти в рамках демократических процедур, сторонники политического насилия находят массовую аудиторию,
- Когда правитель стоит над законом и использует закон как политический инструмент против своих оппонентов, доверие к закону теряется,
- Когда долгосрочные несправедливости в обществе не разрешаются, но продолжаются годами, и не видно никакого света в конце тоннеля, нас не должно удивлять, что отчаявшиеся люди и некоторые другие поборники этого курса хотят убить и умереть за то, что они считают справедливым делом» [13:226-227].

Рассматривая международный терроризм, А. Крюгер приходит к выводу, что «террористы с большей вероятностью происходят из стран, где нарушаются политические и гражданские права» [14:75] и гражданские свободы находятся на низком уровне [14:79]. Он утверждает также, что террористическая активность снижается в том случае, когда государство делает шаги в направлении демократии [14:82].

В то же время Росс считает, что «оппозиционный терроризм процветает в первую очередь в преуспевающих демократиях» [6:321]. Еще одна позиция постулирует, что связь между демократией и терроризмом является нелинейной. Так, А. Абади продемонстрировал, что в странах с жесткими авторитарными и демократическими режимами уровень террористической угрозы ниже, чем в странах со средним уровнем политическим прав [15]. Но эта точка зрения также не получила общего признания.

Альтернативный подход был основан не на стремлении установить связь между каким-то параметром и терроризмом, а на методологическом подходе, предполагающем выстраивание системы, объясняющей возникновение и распространение данного явления с учетом различных факторов. Так, Торе Бьорго упорядочивал причины терроризма следующим образом:

- «Структурные причины (демографические дисбалансы, глобализация, быстрая модернизация, переходные общества, растущей индивидуализм с

отрывом от корней и атомизацией, относительная депривация, классовая структура и т.п.) – это причины, которые воздействуют на жизнь людей способами, которые ни могут осознавать или не осознавать, на достаточно абстрактном макроуровне,

- *Поддерживающие (ускоряющие) причины* делают терроризм возможным или привлекательным, не являясь основным мотивом. Примерами являются эволюция новых современных СМИ, транспорт, технологии вооружений, слабый государственный контроль над территорией и т.п. сторонники так называемого тезиса ‘экологии терроризма’ даже заявляют, что международный терроризм существует в основном потому, что в современных условиях исключительно просто использовать террористические методы,
- *Мотивирующие причины* – это те реальные несправедливости, которые люди ощущают на индивидуальном уровне и которые мотивируют их действовать. Идеологи и политически лидеры иногда оказываются способными перевести причины со структурного на мотивационный уровень, тем самым подталкивая людей к действиям. Роль идеологии или риторики состоит в том, чтобы объяснить, как в реальности обстоят дела, и убедить индивидов и группы начать действовать. Мотивационные причины могут также рассматриваться как конкретные ‘симптомы’ более фундаментальных структурных причин,
- *Причины-триггеры* – это непосредственные катализаторы террористического акта. Это могут быть важные или провокационные события, политический кризис, возмутительные действия со стороны врагов или какие-то другие события, зовущие к мести или действиям. Даже мирные переговоры могут подтолкнуть противников политического компромисса к террористическому акту, чтобы подорвать переговоры и дискредитировать умеренных» [16:3].

Данная классификация находится под явным влиянием подхода, предложенного Мартой Креншоу в своей знаменитой статье «Причины терроризма» [7]. Эта статья до сих пор пользуется популярностью, несмотря на то, что была опубликована еще в 1981 году.

Креншоу выделяет предпосылки терроризма, которые она подразделяет на факторы, создающие условия для террористической деятельности и ситуации, побуждающие террористическую деятельность, а также поводы или катализаторы (в английском языке используется слово *precipitants*) – определенные события, непосредственно предвещающие террористические акты, которые можно считать прямыми причинами терроризма.

В качестве факторов, создающих предпосылки для террористической деятельности, автор выделяет следующие:

- 1) Модернизация усложняет общество на всех уровнях и приводит к появлению новых возможностей и уязвимостей. Речь идет о транспортных и коммуникационных сетях, которые усиливают мобильность и публичность террористической деятельности, а также о новых средствах разрушения, таких как динамит,
- 2) Урбанизация увеличивает число и доступность потенциальных жертв и методов террористической деятельности. Ссылаясь на Хобсбауна, Креншоу также обращает внимание на то, что после городских реноваций конца 19 века города стали менее удобными для восстаний и баррикад, соответственно, насильственный протест стал больше проявляться как терроризм,
- 3) Социальная поддержка, связанная с историческими традициями и социальными моделями, которые санкционируют использование насилия против власти, оправдывают его морально и политически, а иногда и предписывают его формы, превращает терроризм в установленный политический обычай,
- 4) Распространение революционных идеологий, санкционирующих терроризм, не знает национальных границ и способствует превращению терроризма в рутинную деятельность,

- 5) Наиболее важным фактором является неспособность или нежелание правительства предотвращать террористические угрозы, неэффективность деятельности полиции и разведки в этом направлении.

Говоря о мотивах и направленности террористической деятельности, Креншоу обращает внимание на следующие факторы:

- 1) Существование конкретных несправедливостей (обид) в отношении определенных подгрупп населения, например, когда этническое меньшинство дискриминируется относительно большинства. Когда возникает общественное движение, направленное либо на достижение равноправия, либо на отделение и образование самостоятельного государства, терроризм часто становится методом экстремистской фракции подобного движения. При этом Креншоу отвергает теорию депривации как объяснительную модель в чистом виде, утверждая, что депривация может рассматриваться как причина терроризма, если она воспринимается как несправедливая и именно власть обвиняется в страданиях людей,
- 2) Отсутствие возможностей для политической деятельности порождает неудовлетворенность и может вести к революционному терроризму, особенно если сочетается с неэффективностью государственных репрессий. В этом случае террористическая организация может являться не частью более широкого общественного движения, а продуктом элитных групп, выступающих от лица населения. Сочетание массовой пассивности с неудовлетворенностью элит создает наиболее благоприятные условия для терроризма, когда незначительное меньшинство, не имеющее массовой поддержки, стремится к радикальным изменениям.

К последней категории катализаторов Креншоу относит действия властей, применяющих неадекватное силовое давление для предотвращения протестов или борьбы против диссидентов.

Подводя итоги, Креншоу следующим образом воспроизводит логику террористических организаций, ведущую к всплеску террористической деятельности «Террористы рассматривают ситуацию как благоприятную, превращающую

терроризм в жизнеспособную альтернативу. В материальном отношении, обстановка позволяет им получить средства для ее реализации. Обстоятельства также обеспечивают им убедительные причины для стремления к политическим переменам. Наконец, происходит событие, которое кладет конец готовности террористов смириться с режимом. Действия правительства рассматриваются как недопустимо несправедливые, и терроризм становится не только возможным, но и морально оправданным деянием. ... Для террориста, в этой ситуации цель может оправдать средства» [7:385].

Однако даже в столь детально проработанном виде подход, используемый в рамках исследования глубинных причин терроризма, не может не вызвать вопросов. Во-первых, предлагаемая модель является чрезмерно абстрактной и не предполагает возможности какого-либо прямого практического приложения. Во-вторых, выбор включаемых в нее переменных фактически носит произвольный характер, он не подкреплён ничем кроме того, что по итогам анализа удастся выстроить некоторую логическую цепочку. В-третьих, далеко не все переменные нашли подтверждение при попытках статистической верификации. Выше уже говорилось о том, насколько противоречивые результаты были получены при исследовании влияния степени демократизации на терроризм. В-четвертых, нет доказательства того, что данный комплекс причин неизбежно ведет к возникновению терроризма. В обсуждении различных переменных Креншоу приводит примеры разных стран и времен, однако нигде нет попыток сопоставить примеры наличия и отсутствия терроризма в схожих условиях и тем самым выявить ключевые детерминанты в этом вопросе².

Собственно, именно подобные аргументы во многом и выдвигались против подходов, разрабатываемых в рамках концепции глубинных причин терроризма: умозрительность, абстрактность, противоречивость результатов количественных

² Подобный метод качественного анализа подробно обсуждается, например, в работе Теды Скочпол «Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая»: «Здесь есть два основных пути. Во-первых, можно попытаться установить, что общего между несколькими примерами, в которых проявляется объясняемый феномен и которые тоже объединены рядом причинно-следственных факторов, хотя эти примеры и различаются в других отношениях, которые могут показаться каузально релевантными. ... Во-вторых, можно противопоставить те примеры, где присутствует объясняемый феномен, и его гипотетические причины – иным примерам, в которых и феномен, и причины отсутствуют, но есть сходство с первыми примерами в других отношениях» [17:85].

оценок, отсутствие подтверждения необходимости и достаточности предлагаемого набора факторов. Постепенно внимание к данному направлению исследований затухало, акцент стал в основном делаться на более конкретные, ориентированные на специфические меры по предотвращению терроризма работы. Терроризм все больше рассматривался в терминах угроз, снижался интерес к его изучению как социальному феномену. Во второй половине 1980-х – 1990х годах в рамках исследований терроризма уменьшается количество публикаций, объемы финансирования и научного сотрудничества в данной сфере падают. Некоторые ученые начинают говорить о кризисе или даже приближающемся крахе данного направления исследований [1].

В то же время нельзя не признать, что в этот период в исследовании терроризма были безусловные научные достижения. Во-первых, само по себе тестирование различных подходов к определению причин терроризма безусловно имело определенный эвристический эффект. Негативный результат – это тоже результат. И отказ от психопатологической теории либо выявление недостаточности подходов с точки зрения абсолютной и относительной депривации было важными шагами в развитии научного знания.

Во-вторых, в контексте причин терроризма началось обсуждение ряда важнейших вопросов, связанных с характером террористической деятельности. Одним из таких вопросов являлась степень рациональности действий террористов.

В-третьих, еще один важный результат этого этапа исследований – это понимание различия между причинами, породившими терроризм и причинами, обеспечивающими его устойчивость. Среди последних наиболее часто упоминается ситуация порождения насилия насилием. Для наименования этого феномена используются разные термины – замкнутый круг насилия, спираль насилия, цикл мести. Но, собственно, во всех случаях речь идет об одном и том же. В ходе насильственных действий с каждой стороны противостояния появляются герои и мученики, ради которых необходимо продолжать борьбу. В результате насилие становится самовоспроизводящимся и набирает обороты. Эндрю Силк использует здесь сравнение с гидрой, у которой взамен отрубленной головы вырастают две новых. «Здесь речь идет о такой форме насилия, которая оказывается не раздавленной сильными, агрессивными контр-мерами, но может скорее ими

стимулироваться и превращаться в еще большую угрозу» [18:242]. Парадоксальным образом это может оказаться в интересах террористических групп. «Насильственные расправы могут иметь обратный устрашению эффект, поэтому многие террористические группы хотят спровоцировать чрезмерную реакцию. Политика военной расправы в ответ на террористические акты может стать стимулом к большему терроризму, поскольку бескомпромиссные борцы ищут возможность подорвать сдерживание и политический компромисс» [19:260].

Другие причины, упоминаемые, в частности, Торе Бьерго, сводятся к:

- Прибыльным криминальным видам деятельности, которые могут подталкивать террористскую группу к продолжению деятельности даже после того, как их политические цели достигнуты или, напротив, борьба очевидно проиграна,
- Отсутствию выхода, когда альтернативой продолжению террористической деятельности является длительное тюремное заключение или смерть,
- Необходимости отстаивать права своих членов, например, добиться их освобождения из заключения [19:260-261].

В-четвертых, важным для последующих исследований радикализации является начавшийся в этот период в смежных областях процесс дифференцированного рассмотрения стимулов к насильственным действиям у разных групп их участников. Так, применительно к германским неонацистам были выделены следующие категории: правые активисты, этноцентричная молодежь, криминальная молодежь и попутчики. Роль идеологических мотивов падала по мере движения от начала к концу этой классификации. Если правые активисты были убежденными расистами, высокоидеологизированными и политически мотивированными, то уже этноцентричная молодежь, хотя частично и разделяла групповую идеологию, демонстрировала высокую склонность к насилию как таковому [20].

1.2 Второе поколение исследований - радикализация

После террористического акта 11 сентября 2001 года исследования, связанные с терроризмом, получили второе дыхание. По имеющимся оценкам, из 14 тысяч статей, опубликованных по связанным с терроризмом проблемам за период с 1971 по 2002 год, примерно 54 % пришлось на два последние года [1]. Теперь уже именно исламский терроризм оказывается в центре анализа. А исследования все более сосредотачиваются на процессе, именуемом «радикализация». Особенно явным этот процесс стал с середины 2000-х, после террористического акта в Лондоне 7 июля 2005 года.

Надо сказать, что под «зонтиком» радикализации исследования развивались в достаточно разнообразных направлениях. Частично это было продолжением тех же подходов и теорий первого поколения, только под другим названием. Так, Омар Ашур в своей работе «Дерадикализация джихадистов: трансформация вооруженных исламских движений», определяя радикализацию как процесс относительных изменений, в ходе которого группа проходит через идеологическую и/или поведенческую трансформацию, ведущую к отказу от демократических принципов (включая миную смену власти и легитимность идеологического и политического плюрализма) и, возможно, к использованию насилия либо расширению использования насилия для достижения политических целей [21], выделяет в качестве ее причин варианты, очень схожие с теми, которые были проанализированы выше в рамках парадигмы «глубинных причин терроризма». Так, он подробно рассматривает варианты структурно-психологического подхода, в том числе:

- Социально-экономический: модифицированные (и не очень) варианты теории относительной депривации, рассматривающие исламистские движения как современную реакцию на быструю урбанизацию, перенаселенность, безработицу, нищету, маргинализацию, неравномерное распределение дохода и коррумпированность элит,
- Основанный на идентичности: 1) культурной: исламисты отстаивают радикальные религиозные и национально-религиозные идентичности в ответ на то, что они воспринимают как культурный империализм, возрастающее культурное влияние западных и других неисламских культур

в по преимуществу мусульманских обществах; 2) политико-культурной: культурно-религиозная идентичность мусульман сильно влияет на их поведение и картину мира и может формироваться под влиянием радикальных интерпретаций исламских первоисточников и классиков,

- Политический: радикализация рассматривается как реакция на авторитаризм, государственные репрессии и насильственное исключение из политического процесса.

Выявив в качестве основных недостатков структурно-психологического подхода его статичность и линейность каузальных связей, Ашур противопоставляет ему подход с точки зрения политического процесса, изначально заимствованный из теории общественных движений. Этот подход утверждает приоритет процесса над структурой, подчеркивает важность мобилизации ресурсов и не считает социальные и политические движения механическим отражением существующих условий. «В этом смысле, исламистская политика воспринимается как взаимосвязь политических возможностей, стратегий мобилизации, а также идеологических фреймов и символов, которые хорошо резонируют с мусульманскими культурами». Подводя итог, Ашур утверждает, что «подход с точки зрения политического процесса пытается объяснить исламистский радикализм (и/или движение к умеренности), изучая политическую среду, в которой действуют исламисты, мобилизационные структуры, с помощью которых они обретают ресурсы, и идеологические фреймы, с помощью которых они легитимируют свои действия» [21]. Идеологии в рамках теории общественных движений часто отводится второстепенная роль.

Даниэль Кохлер схожим образом выделяет четыре школы в исследованиях, посвященных радикализации:

- Социологическая: основная причина радикализации связана с индивидом, который стремится восстановить потерянную идентичность в обстановке, воспринимаемой как враждебная,
- Общественных движений: 1) радикализация происходит благодаря сетям, групповой динамике, давлению окружения и конструируемой реальности; 2) радикализация вырастает из политической конкуренции между

государством и его оппонентами, а также между самими общественными движениями,

- Эмпирическая: стремящаяся выделить различные профили террористов и их мотивы,
- Психологическая: подчеркивающая важность социально-психологической динамики между 'выталкивающими' и 'притягивающими' факторами [22].

В то же время, наиболее явным отличием второго поколения исследований стал акцент на роль идеологии в процессе перехода к террористической деятельности. По словам Кохлера, термин «радикализация» обычно используется для описания того, как индивид становится 'террористом' или 'экстремистом' в результате процесса принятия определенных идей, ведущих к применению насилия [22]. Рик Кулсат с достаточной долей сарказма описывает подобную модель следующим образом: уязвимому молодому человеку промывают мозги с помощью (иностранного) экстремиста, в результате он радикализуется и затем бросает бомбы или осуществляет самоубийственную миссию³.

Не смотря на достаточно скептическое отношение исследователей к дискурсу радикализации, некоторые ученые находят в этом подходе определённые достоинства, в частности:

- Этот подход заставляет в большей мере фокусироваться на непосредственных факторах, которые подталкивают людей к тому, чтобы они выбирали терроризм в качестве стратегии и тактики,
- Этот подход создает основу для междисциплинарных исследований, позволяющих, в частности, интегрировать уровни личности, группы и общества,

³ См.: [23]. Собственно, об этом же пишет Марк Сейгман, считая, что мусульман в рамках подобной доктрины просто рассматривают как роботов, которых дезориентировали, которым промыли мозги либо которых подвергли идеологической обработке с целью внушения экстремистской идеологии [24].

- Этот подход концентрируется на процессах и вопросах рационального выбора [1].

Подходы к объяснению терроризма в этот период становятся более конкретными и сосредотачиваются на динамике процесса вовлечения в террористическую деятельность, появляются различные динамические модели.

Одним из ярких примеров реализации новых подходов к исследованию религиозно мотивированного насилия является доклад с анализом появляющегося в западном мире (homegrown) терроризма, подготовленный Нью-Йоркским полицейским управлением (NYPD) [25], содержащим в себе следующие основные подходы.

Во-первых, идеология объявляется той уникальной причиной, которая толкает мусульман к насилию. «Что мотивирует молодых мужчин и женщин, рожденных либо живущих на Западе, осуществлять “автономный джихад” с помощью актов терроризма против принявших их стран? Ответ – идеология» [25:16]. При этом Аль-Кайда, по мнению авторов доклада, служит источником вдохновения для будущих террористов, но в большинстве случаев не руководит ими и не контролирует их непосредственно.

Во-вторых, радикализация рассматривается как процесс, в докладе выделяются четыре стадии радикализации:

- 1) Пре-радикализация – жизнь до знакомства с джихадистской идеологией,
- 2) Самоидентификация – постепенное изучение джихадистской идеологии и первые контакты с единомышленниками, на этой стадии какое-либо травматическое событие (потеря работы, дискриминация, смерть близкого родственника и т.п.) может стимулировать религиозный поиск и когнитивное открытие,
- 3) Индоктринация – дальнейшее изучение и принятие джихадистской идеологии, в результате чего возникает полная приверженность целям радикальной группы, интенсификация контактов с религиозными менторами и членами группы,

- 4) Джихадизация – принятие обязательства участвовать в вооруженной борьбе как индивидуального долга.

В-третьих, утверждается, что прохождение каждой стадии характеризуется определённым набором жестких индикаторов, которые могут служить инструментом предвиденья. Однако текст доклада не позволяет считать, что эта амбициозная заявка действительно реализуется в рамках исследования. Можно выделить следующие возникающие здесь проблемы:

- Реальное разнообразие анализируемых кейсов не подтверждает универсальность предлагаемых индикаторов: например, среди джихадистов были представители не только второго и третьего, но и первого поколения мигрантов; некоторые из них серьезно участвовали в наркоторговле, что не вписывается в представления об отсутствии серьезного криминального прошлого,
- Сами индикаторы настолько размыты, что не могут быть использованы как эффективный инструмент предвиденья – мужчины моложе 35 лет; обычная, ничем не выделяющаяся жизнь и работа; вовлеченность в социальный активизм,
- Некоторые характеристики, просматривающиеся в приводимых биографических материалах о террористах по меньшей мере столь же часто, как и выделяемые индикаторы – например, вовлеченность на какой-либо стадии жизни в культуру насилия – избежали внимания авторов доклада.

Создается впечатление, что авторы считают возможным использовать несколько десятков анализируемых ими примеров как совокупность, на основе которой можно делать статистически значимые выводы, что не может не вызывать вопросов с точки зрения методологии.

В-четвертых, все вступившие на путь радикализации воспринимаются в докладе как угроза. «Процесс радикализации полезно рассматривать как воронку. Если кто-то вступил в этот процесс, это не означает, что он/она пройдет все четыре

стадии и станет террористом. Однако, это не означает также, что если он/она не становится террористом, он или она не является больше угрозой. Радикализировавшиеся индивиды, не ставшие джихадистами, могут служить наставниками или агентами влияния для тех, кто станет джихадистом завтра» [25:10].

В-пятых, авторы доклада вполне справедливо рассматривают то, что они называют джихадистско-салафитской идеологией как лишь одно из течений салафизма, его воинственную интерпретацию. Тем не менее, в докладе прослеживается связь радикализации с салафитским исламом в целом. Так, на этапе самоидентификации радикализующиеся индивиды начинают интересоваться салафитским исламом, и это само по себе считается частью процесса превращения в террориста. В качестве «инкубаторов экстремизма» на той же стадии рассматриваются в том числе салафитские мечети, где будущие джихадисты получают стимул для дальнейшей радикализации. На этапе индоктринации они перестают посещать подобные мечети по причине их чрезмерной умеренности.

В-шестых, авторы доклада подчеркивают, что с учетом того, что потенциальные джихадисты живут обычной, ничем не примечательной жизнью, не нарушают закон, они не попадают в поле зрения правоохранителей. «Рассмотренное изолированно, индивидуальное поведение выглядит безвредным, однако как часть континуума процесса радикализации его значимость становится более очевидной» [25:85]. В докладе нет далеко идущих выводов на эту тему, отмечается лишь, что необходимо усиливать работу по выявлению подобных случаев. Однако, очевидно, подобная постановка вопроса может послужить (и реально служила) основой для более серьезных шагов в направлении секьюритизации.

Изложенный в данном докладе, а также в других аналогичных источниках подход вызвал серьезную критику со стороны многих исследователей. По их мнению, «религиозная ортодоксия и политическая радикализация – это очень разные вещи, которые возникают в ответ на очень разные механизмы. Религиозная ортодоксия начинается с поиска идентичности, запрос на которую особенно силен во времена высокой неопределенности. Политическая радикализация начинается с противодействия несправедливости» [23].

Собственно, два момента в общепринятой трактовке радикализации вызывают основные возражения. Во-первых, далеко не всегда то, что принято считать радикальными идеологиями, ведущими к отрицанию статус-кво, приводит к признанию насилия и, тем более, терроризма легитимным способом борьбы за собственные идеалы. Некоторые исследователи различают в связи с этим насильственную и ненасильственную радикализацию или вообще ставят под вопрос валидность самой концепции радикализации [22].

Во-вторых, радикальная идеологическая риторика далеко не всегда означает готовность к реальным насильственным действиям. «Десять лет практики контр-терроризма научили нас, что многие люди говорят очень жестокие вещи, но у совсем немногих это сопровождается насильственными действиями» [24]. Более того, в западных странах сами по себе призывы к насилию не являются нарушением закона, если они не связаны напрямую с насильственными действиями. Последовательное проведение идей радикализации, обвиняющих «дьявольскую идеологию» в террористических действиях, по мнению некоторых, содержит в себе семена чрезвычайно опасного сползания к авторитарному и жестко охраняемому идеологическому конформизму, когда, как было предсказано Оруэллом в «1984», любые подрывные идеи получают статус ‘мыслепреступления’ [26].

Наконец, не все эксперты в данной сфере готовы согласиться с тем, что любое негосударственное насилие должно считаться нелегитимным. «Практически забылось, что быть радикалом – это не нарушение закона, но даже если и нарушение – это может быть легитимным. Большинство современных демократических государств не существовали бы, если бы некоторые радикалы не взяли на себя организацию восстания против иностранного ига или авторитарного режима» [23].

Поскольку идеология оказывается в центре дискурса радикализации, многие исследователи обращают особое внимание именно на этот аспект. Так, Хуг Робертс, анализируя ситуацию в Северной Африке, предостерегает против смешения салафитской и джихадистской идеологий. «Нет никакой необходимой связи между обращением к насильственным стратегиям и принадлежностью к салафизму. Не все вооруженные группировки, вовлеченные в восстание или терроризм в Северной Африке, были салафитскими, и не так много салафитов стало джихадистами.

Салафия мейнстрима... - это, кроме всего прочего, идейное ненасильственное движение, миссионерское проповедничество...» [26].

Марк Сейгман вообще утверждает, что применительно к джихадистам даже сам термин «идеология» не совсем адекватен. Это смесь различных идеологий, проводниками которых являются разные экстремистские идеологи. Многие из джихадистских групп расходятся во мнениях относительно определенных терминов и стратегий. Идеология тех или иных групп обычно вырастает из групповых дискуссий и отражает особенности как их местной ситуации, так и положения мусульман в других странах. Естественно, в процессе ее формирования происходит заимствование элементов более формальных идеологий, с которыми они сталкивались в интернете, на лекциях, проповедях или в литературе. «Тем не менее, участники обсуждали идеологию на месте, в процессе групповых дискуссий, в соответствии со своим ограниченным пониманием и эмоциональной реакцией на события в мире на момент обсуждения. Эти местные идеологии были очень динамичными и изменялись в соответствии с интерпретацией событий дома и за рубежом» [24]. По мнению Сейгмана, вера в то, что Запад находится в состоянии войны с исламом, стимулирующая поворот к насилию, имела своим источником не глубокую религиозность, а реакцию на жестокости в отношении мусульман в различных точках земного шара [24].

В качестве серьезного недостатка модели радикализации NYPD рассматривается отсутствие сопоставления траекторий движения тех, кто пришел к джихадизму, и тех, кто остался на умеренных позициях. Джами Бартлет и Карл Миллер, сравнивая мусульман, подверженных связанной и не связанной с насилием радикализации, делают вывод, что очень многие характеристики, которые обычно рассматриваются как часть процесса становления джихадистов, характерны также и для представителей более умеренных исламских течений. «Многие не поддерживающие насилие радикалы ощущают сильное, циничное подозрение по отношению к властям и верят в связанные с ними теории заговора. Практически всеобщим является глубокое возмущение внешней политикой Запада. Многие ненасильственные группы разделяют сильное ощущение социальной дискриминации, особенно при приеме на работу, переживают периоды сдвигов и неопределенности по отношению к их собственной идентичности, в определенном

смысле желают установления халифата либо исламского правления, и даже привержены определенной само-сегрегации и теории теологической справедливой войны» [27:16]. Работы Саида Кутба, Ибн Таймийи и Ибн Ваххаба, считающимися источниками джихадистских взглядов, также читают не только сторонники насилия, но и умеренные⁴. Хотя по отношению к данной работе возникают определенные методологические вопросы⁵, в целом данные выводы представляются обоснованными.

В то же время некоторые исследователи полагают, что роль идеологии в процессе радикализации нельзя недооценивать. Так, Кохлер считает, что идеология является инструментом деплюрализации, в ходе которого постепенно реструктурируются, переформулируются и переопределяются индивидуальные ценности, верования и политические концепции. Ничего экстраординарного здесь нет, любая идеология приводит к подобным эффектам. «Однако, радикальные насильственные идеологии отрицают и ликвидируют альтернативные или конкурирующие определения ключевых идеологических ценностей и концепций, стремясь установить монополию в этом отношении. В то же время, пропаганда и групповая динамика постоянно завышает важность и срочность решения ключевых проблем, установленных движением и идеологией». По мнению Кохлера, это является следствием двух факторов: с одной стороны, автоматическим результатом деплюрализации, обесценивающей все другие проблемы; с другой стороны – осознанным преувеличением со стороны социального движения для стимулирования активизма и преданности. Соответственно, по итогам этого процесса рекрут видит только одну проблему, затмевающую по важности все другие, только одно жизнеспособное решение и одно идеальное представление о будущем, никакие альтернативные позиции им не принимаются. Применительно к исламу это может выглядеть следующим образом: проблема – глобальное угнетение мусульман;

4 В статье делается вывод, что различие скорее связано с чтением работ не «классиков», а современных джихадистских идеологов – умеренные уделяют им меньшее внимание. Другие исследователи отмечают, что работы Ибн Таймийи по-разному трактуются сторонниками насильственных действий и приверженцами ненасилия (см.: [28:171-173]).

5 Исследователи не общались непосредственно с террористами и использовали информацию, полученную от тех, кто их, по мнению авторов статьи, хорошо знал. Подобный подход может вносить определенные искажения в используемую для анализа информацию.

решение – насильственный джихад как индивидуальный долг; будущее – восстановление халифата [22].

В то же время восприятие радикализации как многоступенчатого процесса, как лестницы⁶, у основания которой находится значительная масса мусульман, а по мере продвижения число адептов снижается, а радикализм позиции усиливается. Так, Кларк МакКоли и София Москаленко в своей сложной многоуровневой модели рассматривают террористов как вершину пирамиды, в основании которой – те, кто в принципе разделяет те же цели, за которые, по их словам, борются террористы. Более высокие уровни пирамиды ассоциируются с меньшим числом людей и большим радикализмом в верованиях, чувствах и поведении. Вопрос, на который пытаются ответить авторы – как происходит движение от основания к экстриму террористического насилия на вершине? МакКоли и Москаленко выделяют 12 механизмов политической радикализации, происходящей на индивидуальном, групповом и массовом уровне [30].

1) Радикализация в результате индивидуальной виктимизации, которой часто пытаются объяснить феномен «живых бомб». Несправедливости в отношении индивида и его близких играют здесь центральную роль и могут подкрепляться ощущением, что они есть отражение ущемления и принижения его этнической или национальной группы.

2) Радикализация в результате того, что индивид отождествляет себя с некоей группой (например, белыми, которые, по его мнению, превосходят остальные расы), по отношению к которой, в его глазах, происходит политическое ущемление. Связанный с этим терроризм обычно индивидуален, а сами террористы подобного типа могут быть не совсем психически здоровы.

3) Индивидуальная радикализация, связанная с вступлением в террористическую группу. Здесь реализуется, по мнению авторов, феномен «скользкого склона», связанный с самооправданием – человек вынужден осуществлять все более радикальные действия для оправдания действий, совершенных в прошлом. В качестве примера приводится знаменитый эксперимент, в рамках которого испытуемых подталкивали к все более сильному наказанию ударами тока за ошибки. «Удары током с небольшими интервалами представляют

⁶ Аналогия лестницы используется, например, в работе [29].

собой пример 'скользкого склона', где отказ от следующего (более сильного – И.С.) удара требует осознания того, что и с последним ударом было что-то не так. Если 300 вольт – это нормально, что плохого в 315 вольтах? Но если 315 вольт – это неправильно, как могут быть правильными 300 вольт?» [30:420].

4) Индивидуальная радикализация через эмоциональные связи и отношения (семья, друзья, партнеры) – по словам авторов, это «сила любви». Этот фактор действует при принятии решения о вступлении в террористическую группу. «Доверие может определять ту сеть, в рамках которой радикалы и террористы осуществляют рекрутинг, но любовь часто определяет, кто присоединится» [30:421]. В результате вступления в группу действие этого фактора еще более усиливается. «После того, как индивид вступил в радикальную группу, любовь к друзьям и товарищам по группе, вероятно, еще более возрастет, поскольку общие цели и общие угрозы усиливают групповую сплоченность» [30].

5) Групповая радикализация в среде единомышленников. Здесь авторы обращают внимание на феномен групповой динамики, связанный со сдвигом индивидуальных взглядов в направлении более экстремальной групповой позиции. Собранная вместе группа незнакомцев в процессе обсуждения устойчиво демонстрирует два типа изменений – усиливающееся согласие по обсуждаемому вопросу и сдвиг мнений в сторону той позиции, сторонники которого изначально преобладали в группе. Этот феномен объясняется двояко:

- Теорией уместного аргумента (relevant argument theory), в соответствии с которой весь набор культурно детерминированных аргументов имеет сдвиг в пользу одной из позиций, что проявляется в дискуссии и воздействует на мнение участников,
- Теорией социального сравнения (social comparison theory), в соответствии с которой участники дискуссии испытывают социальное давление, связанное с тем, что наиболее последовательные защитники преобладающего мнения оказываются наиболее популярными, вызывающими восхищение и вообще воспринимаются как «хорошие люди», а остальные не хотят от них отставать.

Причем эти теории не противоречат, а вполне дополняют друг друга.

6) Групповая радикализация в изоляции и под угрозой. Подобная ситуация усиливает сплоченность группы, делая ее членов ближе друг другу, чем близкие родственники. Два фактора, согласно теории групповой динамики, привязывают индивида к группе: ценность материальных групповых целей и ценность социальной реальности, формируемой группой. К материальным целям относят очевидные поощрения от участия в группе, связанные с движением к общей цели, духовным родством, статусом и защищенностью. Что касается социальной реальности, то тут все не так очевидно. Здесь играет роль то, что единственным источником определённости в ответах на вопросы о высших ценностях (о добре и зле, жизни и смерти) оказывается консенсус внутри группы. Если члены группы участвуют также в других группах с конкурирующими ценностями и моральными стандартами, ценность групповой социальной реальности невелика. Однако если члены группы отрезаны от всего остального мира, она приобретает огромную важность.

7) Радикализация группы в конкуренции за социальную базу. Во многих случаях среди групп, борющихся за одни и те же идеалы, более радикальные оказываются в выигрыше. Однако это происходит не всегда. Группа может восприниматься как чересчур радикальная с точки зрения симпатизирующих ей, и тогда она начинает терять поддержку. Причем ситуация со временем может меняться – степень запроса на радикальность во многом зависит от контекста. Еще одной формой радикализации в процессе борьбы за социальную базу является насильственное избавление от единомышленников. Авторы приводят данные, в соответствии с которыми четверть всех убийств в Северной Ирландии приходится на убийства католиков католиками и протестантов – протестантами [30:424].

8) Групповая радикализация в конкуренции с государственной властью. Авторы используют здесь термин «конденсация». Эта форма радикализации находится в фокусе исследования теории социальных движений. В основе ее лежит следующий механизм. Какая-либо широкая мирная (хотя, возможно, и не разрешённая) акция жестоко подавляется государством, что увеличивает симпатию к ее участникам, ставшим жертвами государственного произвола. В то же время большинство участников считают, что издержки подобной деятельности оказались чересчур высоки. Однако оставшаяся часть оказывается не готовой отказаться от

поставленной цели, в результате взаимодействие данной группы с государством сопровождается все большим насилием и радикализацией. В результате подобной эскалации и самоопределения участников первоначальной широкой протестной группы вероятно возникновение (конденсация) малочисленной фракции, которая принимает террористические методы борьбы и уходит в подполье.

9) Радикализация группы в результате ее внутренней конкуренции. Для подобных радикальных групп нередки расколы и размежевания. Они являются обратной стороной сильнейшего давления в пользу единогласия как следствия групповой сплоченности. Отколовшиеся группы часто бывают радикальнее своих «материнских» структур.

10) Массовая радикализация в конфликте с внешней группой – использование силы врага против него самого. По мнению авторов, жестокие террористические акты могут осуществляться террористами с целью вызвать процессы массовой радикализации среди жертв, спровоцировать непропорционально жесткий ответ и тем самым увеличить ряды своих сторонников.

11) Массовая радикализация в конфликте с внешней группой – ненависть. Ненависть в данном случае авторы понимают как высокий уровень категориальной (не связанной с личным опытом) враждебности, приводящей к дегуманизации. В последнее время ненависть трактуют как экстремальную форму негативной идентификации, которая включает идею, что все члены враждебной группы разделяют некую негативную сущность. И поскольку это характеризует их всех без исключения, вне зависимости от возраста, гендера или статуса, любой член враждебной группы – объект, который в подобной логике должен быть уничтожен.

12) Массовая радикализация в конфликте с внешней группой – мученичество. Ориентация на тех, кто отдал свою жизнь «за правое дело», поддержание их памяти, стремление подтвердить, что их жертвы были не напрасны (и, наконец, добавим от себя, желание, чтобы жертвы не остались неотмщенными) – все это серьезно влияет на процессы массовой политической радикализации.

Авторы утверждают, что из двенадцати механизмов лишь два относительно автономны, остальные в той или иной мере являются реакцией на сложившиеся условия. Добавим, что примерно половина из них в той или иной мере имеет своей базой замкнутый круг насилия. Что касается роли идеологии, то она здесь вообще не

обсуждается. Можно предположить, то авторы считают идеологию константой для 'основания' и 'вершины' пирамиды, и тем самым не рассматривают ее как значимый фактор принятия именно террора как инструмента реализации своих целей.

Наиболее интересные результаты в рамках второго поколения исследований достигаются в том случае, когда в работах, основанных на исследовании конкретного материала, признание ограничений подхода с точки зрения глубинных причин (статичность и чрезмерная линейность) сочетается с критической оценкой дискурса радикализации. Подобных работ не так много, но они реально обеспечивают новое знание в данной сфере, предлагая основанные на богатой фактуре и свободные от идеологических штампов динамические модели поведения сторонников исламской идеологии. Рассмотрим подобную модель на примере работы Марка Сейгмана «Поворот к политическому насилию на Западе» [24].

Автор анализирует путь к политическому насилию как базово двухэтапный процесс: 1) присоединение к политическому протестному сообществу; 2) поворот к политическому насилию. Первый этап является вполне легитимным в рамках западных демократий, и лишь второй предполагает переход к незаконной деятельности.

На первом этапе политическое протестное сообщество определяет стиль жизни его членов, характеризуемый особыми символами, ритуалами, слэнгом. В случае нео-джихадистских групп это специфический дресс-код, озабоченность халяльностью пищи и правильностью молитвы. Эти символы и ритуалы формируют стиль жизни, «крутую» джихадистскую контркультуру, которая не обязательно связана с глубокой религиозностью. «Отрицая и западное лицемерие, упадок и дискриминацию мусульман, и свою традиционную культуру, которую они рассматривают как устаревшую, несправедливую и чересчур требовательную с точки зрения персональных обязательств, молодые мусульмане создали новую контркультуру, которая резонирует с их политическими, экономическими и личными несправедливостями» [24]. Чтобы противостоять подобным несправедливостям, для членов данного сообщества важно быть политически активными, тем самым политический активизм также является отличительной чертой протестного сообщества. Его формы могут быть различными, начиная от политических

дискуссий и посещения лекций и заканчивая участием в политических акциях, финансированием мусульманских гуманитарных организаций и прозелитизмом.

Сейгман отмечает неясность, нечеткость, текучесть и проницаемость границ данного сообщества. Большинство членов участвует в нем время от времени, когда это инспирируется какими-либо международными событиями. Часто участие обеспечивается через родственные и дружеские сети (по оценкам автора, около 70% участников были друзьями до присоединения к протестному движению и 20% были связаны родственными отношениями), в процессе чего социальная сеть протестующих расширяется. Внутренняя динамика подобного сообщества напоминает броуновское движение. Это рыхлое, аморфное сообщество людей не имеет единого контролирующего его центра, хотя многие готовы говорить от его имени. За то, чтобы его возглавить, идет интенсивная внутренняя конкуренция различных исламистских и салафитских организаций. «Это политическое протестное сообщество тем самым является полицентричным, в нем отсутствует организация, которая может контролировать и дисциплинировать его» [24]. Подобное образование Сейгман называет социальным сгустком (social blob). Активная миграция взаимодействия в рамках подобного сообщества в интернет еще более усиливает его эгалитарность, позволяя участвовать в нем подросткам и женщинам.

Социальный сгусток образуется в результате интенсивных усилий политических предпринимателей, организующих политический протест и превращающих толпу в «сгусток». Тем не менее, сгустки являются текучими, их состав меняется, они могут пережить своих основателей, новые лидеры общественного мнения могут привнести собственную повестку. Локальные группы в его рамках достаточно гомогенны, но вместе они образуют гетерогенную структуру, оказывая друг на друга взаимное влияние и стимулируя более интенсивное участие, в результате чего активизируется общая пан-исламская идентичность и усиливается взаимная лояльность. «Со временем, эта лояльность подготовит их к самопожертвованию ради товарищей и общего дела, в соответствии с первоисточниками и ролевыми моделями, господствующими в их протестной контркультуре» [24].

Переход ко второму этапу обычно стимулируется каким-то событием, которое рассматривается как морально недопустимое и нестерпимое и вызывает взрыв

возмущения. Это сопровождается разочарованием в эффективности деятельности контркультурного сообщества, которое оказалось неспособным предотвратить подобное травмирующее событие. Часть членов «сгустка» на этом этапе просто прекращают участвовать в активной деятельности. Но незначительное число наиболее воинственных, ранее много инвестировавших в деятельность протестного сообщества, начинают активно критиковать и отрицать его, уходят из мечетей и организаций, с ним ассоциирующихся. Они не готовы больше ограничиваться бесконечными разговорами, считая защиту воображаемого сообщества – глобальной исламской уммы – своей прямой обязанностью. Они начинают воспринимать себя войнами, моджахедами. Подобное самовосприятие важно, поскольку идентичность солдата, защищающего свое сообщество, легитимирует насилие, даже против гражданских лиц. На этом этапе они в первую очередь стремятся присоединиться к джихаду за рубежом, пройти обучение в военных лагерях. По словам Сейгмана, здесь речь идет не о рекрутинге со стороны каких-либо джихадистских организаций, а о само-рекрутинге. Однако решить эту задачу оказывается не так просто, если не существует связующих звеньев между западной радикализирующейся молодежью и террористическими организациями. Если же подобный «отщепенец» проходит обучение в военном лагере, он с высокой вероятностью останется воевать за границей. Однако часть из них может вернуться на родину, и эти персоны особенно опасны, поскольку обладают как знаниями и опытом в организации террористических актов, так и доверием и харизмой для привлечения родственников и друзей из протестного сообщества.

Террористические организации обычно не имеют очевидного лидера – это небольшая группа, которая по мере необходимости привлекает дополнительных членов, часто на последнем этапе подготовки. Молодые люди, разочарованные в деятельности протестного сообщества, могут отойти от него и группироваться вокруг человека с джихадистским опытом, создавая базу для подобного рода деятельности. Кроме того, если протестное сообщество теряет популярность, его наиболее активные приверженцы могут обратиться к насилию в результате фрустрации.

Однако далеко не во всех случаях подготовка террористической операции осуществляется от начала до конца. «Конспираторы сталкиваются с враждебной

средой, лично - когда семья, друзья и супруги оказываются против насилия; культурно – когда не находят достаточно оснований для оправдания использования насилия против гражданских лиц; политически – по причине бдительности правоохранительных структур. Часто им не хватает социального капитала, чтобы секретно обеспечить доступ к нужным материалам. Им также не хватает времени и сил для подготовки, поскольку у них есть обязательства на работе или перед семьей. Поэтому большинство конспираторов перестают заниматься этим на ранних стадиях реализации своего плана» [24].

Интересны рассуждения Сейгмана о том, какие члены «сгустка» с наибольшей вероятностью могут подвергнуться подобной трансформации. По его мнению, это те лица, которые активно инвестировали в деятельность контркультурного сообщества, находились в его центре, но при этом не принадлежали к тем исламским организациям, которые предъявляют высокие требования к своим членам и поддерживают внутреннюю дисциплину (например, Хизб-ут-Тахрир). Часто участие в террористической организации совпадает с «переходным» временем, когда молодой человек отправляется на учебу, мигрирует в новое место, меняет друзей. При этом он обычно не имеет полной занятости.

На основе проведенного анализа Сейгман делает ряд важных выводов.

Во-первых, «террористы не являются пассивными жертвами, уязвимыми, находящимися в опасности или подвергшимися промыванию мозгов со стороны рекрутеров или идеологии. Они активно участвуют в построении собственной жизни, пытаясь сделать свой мир осмысленным, создавая смыслы на основе имеющихся культурных моделей и делая в соответствии с этим свой выбор»[24].

Во-вторых, не следует путать политическое протестное сообщество с насилием и терроризмом. Подобные сообщества могут стимулировать поворот к насилию, но только если они обречены на неэффективность с точки зрения достижения политических целей. Подавление этих сообществ, в свою очередь, будет подталкивать к использованию политического насилия. «Легитимная задача правоохранителей – не противодействовать легальным политическим протестным сообществам, а выявлять переход от легального политического протеста к нелегальному политическому насилию» [24].

Многие выводы Сейсмана подтверждает Скотт Атран в своей книге «Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком». «Предположение о том, что встать на путь джихада – это тщательно продуманное решение, или что людям специально «промывают мозги», или что их «вербуют» в «ячейки» или «группы» при помощи «организаций» с определенной «структурой», по которой возможно нанести удар и уничтожить, неверно в корне. Так (возможно, за исключением промывки мозгов) устроены большинство правительственных служб, правоохранительных органов и военных организаций. Это их реальность, и ни проецируют ее на остальной мир, толкуя, воспринимая и действуя именно в таких рамках. Но жизни большинства людей устроены совсем по-другому, и социальное джихадистское движение не исключение» [31:68]. Для него ключ к пониманию радикализации – в динамике малых групп. «Ведь они почти никогда не убивают и не умирают ради одной только цели, они делают это ради друг друга: ради своей группы, чья цель объединяет генетически чуждых друг другу людей в воображаемую семью – братство, отечество, родину, дом, тотем или племя» [31:51]. То, что это взаимодействие возникает на тему джихада – не более чем случайность, «кого-то почему-то кусает муха джихада» [31:68]. «Ключевое различие между террористами и большинством других людей в мире заключается не в индивидуальных отклонениях, личностных качествах, образовании, доходе или любом другом демографическом факторе, а в динамике малых групп, где волею случая характерной особенностью стал джихад, а не, скажем, ожирение» [31:260].

Атран приводит аргументы в пользу того, что:

- Под «зонтиком» глобальных джихадистских организаций на самом деле в большинстве случаев действуют сети, построенные на личных взаимоотношениях [31:193],
- Преимущество над иерархиями имеют сети, которые являются текучими и неструктурированными, их «можно охарактеризовать как самоорганизующиеся, децентрализованные и дублирующие» [31:245],
- Исполнители терактов сами «стучат в дверь, готовые вступить в ряды джихада», а не заманиваются туда вербовщиками [31:134],

Террористы-смертники часто являются молодыми людьми «в переходные этапы жизни с неопределенным будущим» [31:199].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ литературы по причинам исламской радикализации позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, исследования в данной сфере отличаются многочисленными недостатками – абстрактностью, умозрительностью чрезмерной идеологичностью, фрагментированностью используемых для анализа данных. Тем не менее, здесь начинают появляться подходы, отражающие сложность и многогранность данного явления, несводимость его к линейным схемам. В основном они характерны для исследований, опирающихся на конкретные полевые результаты.

Во-вторых, в рамках изучения терроризма можно выделить два этапа. Первый – это изучение так называемых глубинных причин терроризма. В данной парадигме исламский терроризм не являлся специальным объектом исследования и рассматривался наряду с другими видами террористической деятельности. Позитивным моментом данного этапа являлся отказ от психопатологической теории – было признано, что террористы психически нормальны. Второй – это рассмотрение проблематики терроризма сквозь призму радикализации, а именно связывание насилия с идеологическим индоктринированием. Последний подход вызвал серьезные концептуальные возражения многих специалистов. При этом наиболее интересные результаты в рамках второго поколения исследований достигаются в том случае, когда в работах, основанных на исследовании конкретного материала, признание ограничений подхода с точки зрения глубинных причин (статичность и чрезмерная линейность) сочетается с критической оценкой дискурса радикализации.

В-третьих, в противовес абсолютизации роли идеологии стали развиваться подходы, связывающие мотивы к террористической деятельности в большей мере с отношениями дружбы, любви, привязанности, складывающимися в террористической ячейке, которая часто изначально формируется на основе родственных и дружеских связей. Именно подобные ячейки, а не крупные террористические организации, связь которых с исполнителями конкретных терактов может быть весьма косвенной, ставятся в центр анализа в подобных исследованиях. Такой подход приводит также к возвращению в анализ тематики «замкнутого круга насилия». Насильственный акт, акт унижения со стороны «врага», превращающий

для радикализирующегося индивида ситуацию в непереносимую, как и месть за тех, с кем связан близкими отношениями, оказываются в числе рассматриваемых мотивов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Van de Voorde T. 'Terrorism Studies': A Critical Appraisal // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge - 2016
2. Lia B. with Skjolberg K. Causes of Terrorism: An Expanded and Updated Review of the Literature. Report prepared for Forsvarets Forskningsinstitut - 2004
3. Weinberg L., Pedahzur A., Hirsh-Hoefler S. The challenge of conceptualizing terrorism // Terrorism Studies. A Reader / edited by J. Horgan and K. Braddock. – London and N.Y.: Routledge – 2012
4. Gibbs J.P. Conceptualization of terrorism // Terrorism Studies. A Reader / edited by J. Horgan and K. Braddock. – London and N.Y.: Routledge – 2012
5. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. От 18.04.2018) «О противодействии терроризму», ст. 3
6. Ross J.I. Structural Causes of Oppositional Political terrorism: towards a Causal Model // Journal of Peace research – 1993. - Vol. 30, No. 3. P. 317 -329
7. Crenshaw M. (1981) The Causes of Terrorism // Comparative politics – 1981. - Vol. 13, No. 4. P. 379-380
8. Crenshaw M. The logic of terrorism: Terrorist behavior as a product of strategic choice // Origins of terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind, edited by Reich W. - Cambridge, Cambridge University Press. – 1998. P. 7-14
9. Post J.M. The socio-cultural underpinnings of terrorist psychology // Root Causes of Terrorism: Myths, reality and ways forward / edited by Bjorgo T. - London and New York: Routledge. – 2005. P. 54-69
10. Post J.M. Terrorist psycho-logic: Terrorist behavior as a product of psychological forces // Origins of terrorism: Psychologies, Ideologies, Theologies, States of Mind, edited by Reich W. - Cambridge, Cambridge University Press. – 1998. p. 25-40
11. Гарт Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005
12. Стародубровская И.В. Исследования терроризма – международное измерение // Стародубровская И., Соколов Д. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. – М.: Издательский дом «Дело». – 2013

13. Schmid A.P. Prevention of terrorism: towards a multy-pronged approach // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. - London and N.Y.: Routledge.- 2005. P. 223-240
14. Krueger A.B. What Makes a Terrorist. Economics and the Roots of Terrorism. – Princeton and Oxford: Princeton University Press. – 2007
15. Abadie A. Poverty, Political Freedom and the Roots of Terrorism. NBER Working Paper. – 2004. No. 10859
16. Bjorgo T. Introduction // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. - London and N.Y.: Routledge. – 2005. - P. 1-15
17. Скорюкин Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. – М.: Изд-во Института Гайдара. – 2017
18. Silke A. Fire of Iolau: the role of state countermeasures in causing terrorism and what needs to be done // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. - London and N.Y.: Routledge. – 2005. - P. 241-255
19. Bjorgo T. Conclusions // Root Causes of terrorism: Myths, reality and ways forward. - London and N.Y.: Routledge. – 2005. - P. 256-264
20. Willems H. Development, patterns and causes of violence against foreigners in Germany : Social and Biographical characteristics of perpetrators and the process of escalation // Terror from the extreme right / edited by T. Bjorgo. - London: Frank Cass. – 1995. - P. 162-181
21. Ashour O. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming armed Islamist movements. - London and N.Y.: Routledge. – 2009
22. Koehler D. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. - London and N.Y.: Routledge. – 2017
23. Coolsaet R. Epilogue. Terrorism and Radicalization: What Do We Now Know? // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge. – 2016. – P. 83-100
24. Sageman M. The Turn to Political Violence in the West // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge. – 2016. – P. 117-130
25. Silber M.D., Bhatt A. Radicalization in the West: The Homegrown threat. – New York: New York City Police Department. – 2007

26. Roberts H. Logics of Jihadi Violence in North Africa // Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences / edited by Rik Coolsaet, 2nd edition. – London and New York: Routledge. – 2016. P. 27-44
27. Bartlett J., Miller C. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization // Terrorism and Political Violence. – 2012. 24(1). – P. 1-21
28. Lambert L. Countering Al-Qaeda in London: Police and Muslims in Partnership. – London: Hurst & Company. - 2011
29. Мохаддам Ф.М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. – М.: Форум. - 2011
30. McCauley C. & Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // Terrorism and Political Violence. – 2008. – 20(3), P.415-433
31. Атран С. Разговаривая с врагом. Религиозный экстремизм, священные ценности и что значит быть человеком. – М.: Карьера Пресс. - 2016